

Электронное издание:

**Безобразов М.В. Изречения Св. Кирилла и
послание митрополита Никифора. Санкт-
Петербург, 1898. – С. 14**

ПОДГОТОВЛЕНО

Отделом религиозного образования и
катехизации Ижевской и Удмуртской епархии

www.izhoroik.ortox.ru

Бр. 2429

Въ редакци мурман
'Вопросы философии'

М. В. Безобразова.

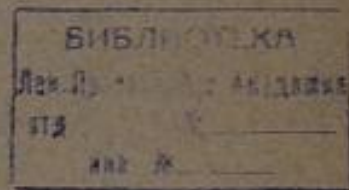
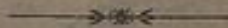
ИЗРЕЧЕНИЯ СВ. КИРИЛЛА

И

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА НИКИФОРА

(ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ ПРИГОТОВЛЕННАГО КЪ ПЕЧАТИ ТРУДА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

«Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи»).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., в л., № 12.

1898.

ОТДЕЛ
РЕЛИГИОЗНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

М. В. Безобразова.

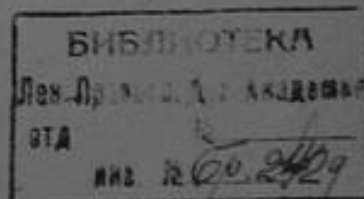
ИЗРЕЧЕНІЯ СВ. КИРИЛЛА

И

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА НИКИФОРА

(ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ ПРИГОТОВЛЕННАГО БЪ ПЕЧАТИ ТРУДА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

«КЪ ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССИИ»).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1898 г.

Непримѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. III-го (1898 г.), кн. 4-ой,
стр. 1072—1080—1085.

Изреченія св. Кирилла *).

Если можно считать достовѣрнымъ, что св. Кирилль и Меодій были греками по отцу, славянами по матери, то съ такою же достовѣрностью нельзя сказать, на какомъ языкѣ написаны ихъ произведенія. Правда, что изъ девяти различныхъ догадокъ, клонящихся къ тому, чтобы разъяснить, что это былъ за языкъ, нельзя не остановиться на томъ, повидимому, болѣе близкомъ къ истинѣ предположеніи, какъ бы разрубаящемъ Гордіевъ узелъ или отказывающемся его развязать, именно на словахъ нашего лѣтописца «а словѣнскъ языкъ и рускій едино есть». (Несторъ по древнѣйшему пергаминамъ списку 1377 г.; Казайдовичъ, Иоаннъ Экзархъ, Москва 1824, стр. 8).

Вѣсть глубокою истиною отъ мысли, что въ тѣ времена еще не обособились различныя нарѣчія и что языкъ, который употребляли наши первоучители, не могъ быть ни древнеморавскимъ, ни паннонскимъ, ни панноно-моравскимъ, ни словинскимъ, ни древнесербскимъ, ни древнеболгарскимъ... (А. С. Будиловичъ, Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности св. Кирилла и Меодія въ Меодіевскомъ сборникѣ Варшавскаго университета, 1883, стр. 70). Не можетъ под-

Представляетъ одну изъ главъ обширнаго пригото-
вленнаго къ печати труда подъ заглавіемъ: «Къ исторіи просвѣщенія въ

лежать сомнѣнію то, что Кириллъ и Меѳодій были дѣятельны всего славянскаго міра и что дѣятельность ихъ принадлежитъ въ такой же степени намъ русскимъ, какъ и прочимъ славянскимъ народностямъ.

И все то, слѣдовательно, что надо сказать о св. Кириллѣ, какъ о философѣ, является одинаково нашимъ достояніемъ и принадлежитъ къ области исторіи философіи въ Россіи, этой впервые нарождающейся области знанія.

Мы находимъ оцѣнку этой философской дѣятельности у проф. Платонова, который по поводу того, что св. Кириллу приписываются Апологи или Притчи (*Quadrupartitus apologicus Cyrilli episcopi de graeco in latinum translatus quo relucet moraliter (?) in philosophia ethica per quattuor cardinales virtutes et morales etc.*) выражаетъ слѣдующее мнѣніе.

«Въ Притчахъ господствуетъ платоническо-мистическое воззрѣніе на міръ, по которому все существующее, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ мірѣ представляется подчиненнымъ единому закону. Такой образъ философіи, хотя и не отвергаемый, чуждъ уму Кирилла. Правда, изъ даннаго Кирилломъ въ одномъ случаѣ опредѣленія философіи видно, что Платонъ былъ ему близокъ. Но Платоновскія воззрѣнія не облекались у него въ форму мистицизма, а служили только высипреннымъ пареніямъ ума».

Если и не вполнѣ понятно, что понимаетъ Платоновъ подъ высипренними пареніями ума, то изъ послѣдующаго можно думать, что онъ подразумѣваетъ здѣсь религіозность св. Кирилла. Такъ онъ говоритъ: «Сочинитель Притчей является прежде всего философомъ, умствующимъ самостоятельно и только въ подкрѣпленіе своихъ словъ приводящимъ слова священнаго Писанія и, притомъ одного Ветхаго Завета наравнѣ съ изреченіями мудрецовъ древнихъ, а нашъ Кириллъ не могъ бы быть таковымъ. У него на первомъ планѣ было бы слово Божіе и притомъ болѣе близкое слово Христа, а умъ являлся бы только въ качествѣ почтительнаго слуги, подкрѣпляющаго и приближающаго къ

разумѣнію человѣкомъ Божественнаго слова. 1-й есть философъ христіанствующій, а 2-й христіанинъ философствующій. («Изслѣдованіе объ Апологахъ или Притчахъ св. Кирилла». Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1868 г., № 5, стр. 392—393).

Мы сейчасъ увидимъ, имѣеть ли Платоновъ право судить такимъ образомъ о міровоззрѣніи св. Кирилла и увидимъ также и то, что въ томъ самомъ опредѣленіи, на которое онъ ссылается, Кириллъ является болѣе аристотеликомъ, чѣмъ платоникомъ.

Пожалуй, не мѣшаетъ обратить здѣсь вниманіе на то, что, по мнѣнію Грессе и Фойгта, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что авторъ Притчей былъ знакомъ съ Гиппократомъ, Галеномъ и въ особенности съ Аристотелемъ.

Какъ бы ни были вѣски доводы Платонова, направленные противъ того, чтобы считать авторомъ Притчей св. Кирилла, какъ это думали чешскій историкъ Бальбинъ и иезуитъ Аллэндъ въ XVII в., нельзя не притти къ тому заключенію, что вопросъ объ авторѣ Притчей до сихъ поръ еще не рѣшенъ (А. Н. Веселовскій, Забѣтки по литературѣ и народной словесности, Спб. 1883. Къ вопросу объ апологахъ св. Кирилла, стр. 59).

Для насъ же въ этомъ случаѣ важно не то, былъ ли авторомъ Притчей епископъ Кириллъ Гвидонскій, жившій въ XIII в. (Добровскій и Лавровскій), какой-нибудь нѣмецкій схоластикъ (Платоновъ) или же клирикъ XIV в. Гвидринъ (Фойгтъ); интересенъ же для насъ только этотъ самый фактъ приписанія св. Кириллу Апологовъ, указывающей на то, какъ высоко ставили и на западѣ мудрость нашего первоучителя (Сухомлиновъ, О псевдонимахъ, 142).

Не менѣе цѣнили его и въ Россіи. Въ одной статьѣ, помѣщенной въ Измарагдахъ подъ именемъ Слова Григорія папы Римскаго и едва ли послѣднему принадлежащей, говорится: велика ѣ польза оученимъ слушати сѣго Василья Ива^а Злауѣстаго и Ефрѣма и Кирила философа (Описаніе рукописей Синодальной библіотеки II^а, стр. 54 (рук. № 230). Такимъ образомъ имя по-

слѣднѣяго ставится на ряду съ самыми знаменитыми и уважаемыми именами греко-россійской церкви и византійско-русской письменности) (Е. Пѣтуховъ, Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древнерусской литературѣ въ Сборникѣ II Отд. Имп. Академіи Наукъ, т. 42, № 3, стр. 30).

Такое отношеніе къ св. Кириллу имѣетъ и свою обратную сторону—именно вошло въ обычай приписывать ему то, чего онъ не написалъ, и это началось, по мнѣнію Сухомлинова съ XII в. (О псевдонимахъ, 141). Вопросъ этотъ усложняется еще существованіемъ въ Византіи двухъ Кирилловъ—Кирилла Іерусалимскаго † 387 и Кирилла Александрійскаго † 444, у насъ же четырехъ Кирилловъ—Кирилла I † 1233 (о немъ была уже рѣчь), Кирилла II епископа Ростовскаго † 1262, Кирилла III митрополита Кіевскаго † 1280 и въ особенности Кирилла Туровскаго, знаменитаго проповѣдника XII в., который, какъ писатель, не обладаетъ къ тому же рѣзко очерченною фізіономією.

Какимъ образомъ можно объяснить появленіе на произведеніи имени Кирилла философа? Такъ М. И. Сухомлиновъ думаетъ, что «это могло произойти также не отъ прямого невѣжества переписчика, впервые поставившаго имя, а по увлеченію преданіемъ, идущимъ отъ первоначальныхъ временъ» (О псевдонимахъ, с. 141); «именно позднѣйшіе составители удерживали имя, находившееся въ древнихъ рукописяхъ» (с. 148).

Приписываются св. Кириллу, но ему не принадлежать слова: Слово свѣтлаго Кирилла въ ѿ нелю по поученіе на сборъ; Слово свѣтлаго Ѡца нѣшего Кирилла о злыи и невѣрныи члвци; Поученіе Кирилла философа, напечатанное Сухомлиновымъ по списку XVI в. Троице-Сергіевской Лавры (О псевдонимахъ с. 138—140); Кирилла философа о пьянствѣ въ статьѣ арх. Варлаама (Описаніе сборника XV в. Кир.-бѣлоз. монастыря и болѣе пространная редакція въ Сборникѣ XVII—XVIII в. въ Новгор. Соф. Б. № 1428. Пѣтуховъ с. 22, 27).

Приведемъ слѣдующія пять изъ нихъ: 1-е встрѣчается въ

полной редакціи и въ двухъ сокращенныхъ и имѣеть вариантъ. *Полная редакція.* «и҃нь ѿ ст҃ь г҃и творче все̃ межи а҃нглы и скоты и ч҃ькы створимъ е̃ словесѣ и смыслѣ ѿлучи на ѿ скѣ а гнѣво^у и похѣю ѿ а҃нгль и еже ся кто на части приближается па^у таю г ...я прѣчаѣ вышнѣ или нижнѣ». (Хронографъ № 453, л. 452. Востоковъ, Описание Румянцовскаго Музеума, стр. 731; то же въ Сборникѣ XV в. Кирилло-бѣлозерской библіотеки у арх. Варлаама въ Учен. Запискахъ 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. V, стр. 60 — 61; также въ Сборникѣ XVII в. Троице-Сергіевой Лавры № 798, л. 203—204; въ Измарагдѣ той же Библіотеки нач. XVI в. № 203, л. 31 об., 32 об., гдѣ это изреченіе помѣщено въ статьѣ Слова св. Отець «о словѣ мира сего») *Сокращенная редакція* а. также и Кирилъ философъ рече, ч(е)л(о)в(ѣ)ка сѣза б(о)гъ меѣю двоу животное меѣю а҃нг(е)ль и скота кромѣ а҃нгль гнѣвомъ и похотию и кромѣ скота словомъ и смысломъ (№ 182 Златоустъ, л. 11; Востоковъ, Описание Румянцовскаго Музеума, стр. 230). в. Гдѣ бг҃ъ сода ч҃ьвка и среди двѣю живѣтву а҃нгель и скѣта . нижши а҃нгель гнѣвомъ и пѣтѣю и вышши скѣта слѣвѣмъ и смыслѣмъ (Сборникъ № XLV Имп. Публ. Библіотеки, л. 66).

Вариантъ. Вопросъ философскій что есть сосуждение естеству к бесплотнѣ^у плѣное или паки къ а҃ггльско^у мѣти ч҃ьвчское или мѣти бж҃ия к ч҃ьвской мѣти и еже что сосуждение или не сосуждение во все^х естествѣхъ меѣу бга и а҃ггль и ч҃ькы и скѣ или при бозѣ и ч҃ьвцѣ и а҃ггелѣ и скотѣ. ѿвѣ сосужденіе есть сярѣчь сопричастіе и т. д. (№ 192, л. 195 об. Востоковъ, Описание, стр. 240).

2. Рече ст҃ы Кирилѣ философ°. Разумѣи, чловѣче, а҃ггльскую таину и ст҃ыхъ писаній ѿкровеніе: даво есть на воле суета мира сего врата та на востокъ врата та на запа^у пути раи ѿворе^у и бездна ѿкрыта (№ 409 Старчество Конца XVII или нач. XVIII в., 249 л. въ 4-ку Востоковъ, Описание, 627).

3. Кирилъ философъ рече: «не того ради сотворени бы-

хомъ да ямы и шѣмъ я въ одежи различныя облечемъ; но да угодимъ Богови и будущая и благая получимъ» (Памятники русской словесности XII в., стр. 92, Сухомлиновъ, О псевдонимахъ, 141).

4. Кирилъ философъ. Не хвали хвалаша^т та; ни хули хоулаши^т та, и не боу^т многоречи^т да не оубо^тбяши^т жерновомъ, и^т многи люди насыщающе, а себе не могуще напльнити (Изъ Сборника XVI в. Погодина № 1287, л. 274 об.; также въ Сборникахъ Ундольскаго XVI—XVII вв. № 573, л. 59 об. и Погодина XVII в. № 1613, л. 116 об.).

5. Кирилъ философъ. Безумну Книгъчѣе аще бы седми горь книги написаны быша, мдрти бѣа на почитаніе его, и аще не съ вниманіе^т и разумомъ приияюще в на почитаю^т и не имоу^т разумѣти на оувѣ, что глють книги (Изъ того же Сборника Погодина № 1287, л. 114, Описаніе ркп. Синод. библ. П³, стр. 637).

Нельзя, конечно, съ полною достовѣрностью объявить, что изреченія эти не принадлежать св. Кириллу, какъ одинаково нельзя основывать на нихъ какихъ-либо дальнѣйшихъ выводовъ.

Насколько можно считать вопросъ объ этихъ изреченіяхъ открытымъ, съ такимъ же точно правомъ можно думать, что св. Кириллу принадлежит то самое опредѣленіе философіи, на основаніи котораго Платоновъ находить возможнымъ назвать его платоникомъ.

Такъ на вопросъ логогета «что такое философія?» св. Кирилъ «скорымъ умомъ абіе рече» (Житіе св. Константина № 330, л. 4).

Пространная редакція этого отвѣта гласить:

«Блажейиѣи Костланти^т философъ вопроси^т бывъ ѿ схоластика головоета (вмѣсто логогета) варасихи Кнѣта что есть философия ѿвѣща и рече: философия есть стра^т гдѣнь; философия есть ѿбѣжаніе о^т всякого грѣха; философия есть любовь непрестайная к бгѣ; философия есть бжн^т и члвчески^т разумо^т блгмѣрен^т и

елико чѣкъ може бѣгми дѣлы приблизити бѣгу яко добродѣтелию оучитъ его по образу и по подобію быти сотворшему и; егда убо сила есть дѣйство существо не глаголется обаче есть, егда же дѣйство сила не глаголется но дѣйство дѣйствуема ради» (№ 192 I. Дамаскина Творенія въ переводѣ Іоанна Эксарха Болгарскаго скороп. нач. XVIII в. въ 4-ку 201 л. л. 1 по кат. Востокова въ Рум. Муз.; Горскій и Невоструевъ, Описаніе, рки. Синод. библ. II², стр. 5; то же въ Алфавитахъ рки. Синод. б. № 353, скор. XVII в. въ 4-ку 244 л. л. 5 прибавлено философія есть ѿлучение всего мира).

Въ другихъ спискахъ подъ этимъ отрывкомъ стоятъ имя Кирилла Словенскаго; такъ въ Сборникѣ Погодина (№ 1560 XVII в. л. 79; см. также краткую редакцію).

Чаще встрѣчается слѣдующая краткая редакція:

Кири^н словѣски^н вопроси^н бысть ѿ лѣвета чтестъ философіи рече божи^н и всѣски^н веще^н разумъ и^н еликъ мже^н чѣвѣкъ приблизити бѣѣ^н такъ дѣтелию учи^н ег^н и^н образу и и^н п^ндѣбію быти сътворшему и егда б^н сила е^н дѣйств^н существ^н не глѣтса а на^н е^н егда^н дѣйство е^н сила не глѣтса а дѣйств^н дѣйствуема^н ради (№ 191, л. 238 по Востокову въ Рум. Муз. въ Хронографѣ, писанномъ 1494 г. въ Псковѣ на 444 л. и принадлежавшемъ гр. Румянцову см. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, Спб., 1888, 1-е письмо Погодина; Житіе преп. учителя нашего Константина № 330, л. 4; Сборникъ № 1592 Погодина въ Имп. Публ. Библиотекѣ нач. XVIII в., л. III; Сборникъ № 99, л. 113—121; № 107 Синод. библ. Творенія св. Діонисія Ареопажита, л. 412 об. и др.)

Изъ этого опредѣленія видно, что, по мнѣнію св. Кирилла, въ философіи заключаются два элемента: 1) разумъ нъ той мѣрѣ, въ какой онъ научаетъ божественнымъ и человѣческимъ вещамъ; и 2) добродѣтель, поскольку она учитъ приближаться къ Богу.

Признаваль-ли св. Кириллъ господство религіи надъ философіею, можно считать вопросомъ открытымъ. Во всякомъ

случаѣ ясно, что онъ не отождествлялъ этихъ двухъ областей и относился къ философіи съ величайшимъ уваженіемъ.

Разсужденіе его о силѣ и о дѣйствіи—понятіяхъ, въ которыхъ не трудно узнать аристотелевскія *dύναμις* и *ἐνέργεια*, показываетъ, какъ глубоко онъ понимаетъ философію вѣнскихъ мудрецовъ и какъ самостоятельно относится къ ихъ знаніямъ. Св. Кириллъ пользуется аристотелевскими понятіями о силѣ и о дѣйствіи для того, чтобы объяснить то, что онъ понимаетъ подъ Божествомъ.

Если Платоновъ не беретъ на себя выяснить то, въ чемъ заключается платонизмъ св. Кирилла и довольствуется голословнымъ утвержденіемъ, что онъ былъ платоникомъ, то изъ опредѣленія, которое даетъ философіи св. Кириллъ, ясно, въ чемъ заключается аристотелевскій элементъ этого міровоззрѣнія.

Очень интересно было бы прослѣдить, если-бы только возможно было это сдѣлать, какія философскія произведенія читалъ св. Кириллъ: тогда можно бы уяснить себѣ генезисъ его міровоззрѣнія.

Весьма возможно, что онъ находился подъ вліяніемъ Іоанна Дамаскина, потому что нѣкоторыя его изреченія, встрѣчающіяся въ опредѣленіи философіи, являются буквальный повтореніемъ того, что говорится о ней въ Діалектикѣ: «философія есть разумъ божественныхъ и человѣческихъ вещей, философія есть любовь къ Богу» (№ 950 по Унд. въ Рум. Муз., л. 3), и это опять таки служитъ подтвержденіемъ аристотелизма св. Кирилла, а не его платонизма.

Если судить на основаніи этого опредѣленія философіи, то не существуетъ данныхъ для того, чтобы считать св. Кирилла платоникомъ. Онъ былъ аристотеликомъ скорѣе, чѣмъ платоникомъ.

Посланіе митрополита Никифора *).

Хотя Кіевскій митрополитъ Никифоръ родомъ изъ Ликіи въ Малой Азіи современникъ Владимира Мономаха и не носитъ названія философа, онъ заслуживаетъ его въ гораздо большей степени, чѣмъ Кирилль I, Павелъ Высокій, Владимиръ Мономахъ и даже Климентъ Смолятичъ. Къ Владимиру Мономаху обращено его знаменитое посланіе о постѣ и воздержаніи чувствъ, носящее слѣдующее заглавіе: Посланіе Никьюора митрополита Кіевского къ Великому Князю Володимѣроу сыноу Всеволожю сына Ярославля. Произведеніе это сохранилось въ ркп. Синод. б. № 375, повидимому XVI в., полууст., отпечатано въ Четвѣхъ-Миннеяхъ подъ 31 августомъ (Макарій) и въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. I, стр. 59—75.

Не только снисходительный въ своей оцѣнкѣ арх. Филаретъ называетъ Никифора однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ пастырей нашей Церкви (Обзоръ, стр. 27), но и болѣе строгій въ своихъ сужденіяхъ митроп. Макарій считаетъ его Посланіе однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей древней письменности, говоритъ, что «тутъ виденъ и самъ достойный первосвятитель съ его умомъ, образованіемъ, съ пастырскимъ дерзновеніемъ и

*) Настоящая статья служитъ одною изъ главъ приготовляемаго къ печати труда: «Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи».

ревностью къ своему долгу; виденъ и достойный Князь». (Исторія русской Церкви, 1867, Сиб., т. II, стр. 155).

«Произведение это замѣчательно еще тѣмъ, что Никифоръ является въ немъ умствующимъ самостоятельно и обнаруживаетъ свое знакомство съ греческою философіею», находимъ мы у Строева (Указатель матерьяловъ отечественной исторіи въ Журн. Мин. Народн. Просв., 1834, № 2, стр. 144).

Строевъ, правда, не объясняетъ, въ чемъ заключается самостоятельное умствование Никифора, какъ онъ называетъ его философское міровоззрѣніе, и не говоритъ, въ чемъ обнаруживается его знакомство съ греческою философіею.

Нельзя не замѣтить, что Никифоръ является въ своемъ Посланіи психологомъ и метафизикомъ, именно обнаруживаетъ знаніе человѣческой души и высказываетъ опредѣленное міровоззрѣніе—исповѣдуетъ de jure дуализмъ, какъ его исповѣдовалъ и авторъ Діоптры, а de facto не является послѣдовательнымъ дуалистомъ, потому что соединяетъ съ сознательнымъ дуализмомъ бессознательный матеріализмъ.

Никифоръ раздѣляетъ душу на три части или говоря точнѣе душа обладаетъ, по его мнѣнію, тремя силами или способностями—словесною, яростною и желательною, иначе умомъ, чувствомъ и волею.

«Вѣда боуди, благородный Княже! божественнымъ вдохновеніемъ сѣтворена бысть душа, иже и по образу Божию сѣзданѣ быти глаголетъ. Та душа ѿт тріи частіи есть, рекше силы иматъ ꙗко: словесное и яростное и желанное. Словесное оубо старѣе есть и выше всѣхъ; поему бо кромѣ есмъ (есма) всѣхъ животинъ, тѣмъ бо небо и прочаа вся сѣтворенаа разоумѣхомъ и к разоумоу Божию взидохомъ, елико насъ добрѣ словесное съблюдохомъ. (Русск. достоп., I, стр. 65).

И Елини, словесни соуце, и не съхранше словесное, ни добрѣ разоумѣвше, на идолослуженіе сндоша, и вѣроваша въ животная, въ коркодилы, и въ козлы, и въ змѣе, въ ѿгнь и въ воду и въ прѣчаа».

ОТДЕЛ
РЕЛИГИОЗНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

«Второе же яростное, иже имать еже къ Богоу ревность и еже на Божіа врагя мечь; есть же и съ нимъ и злоба (чит. злоба и) зависть, якъ же и въ словеснѣмъ, благовѣрство и зловѣрство».

«Третіе же желанное, иже добродѣтель оубо имѣть, еже къ Богоу воиню имѣти желаніе, и забывать инѣхъ и ѡ ѡномъ промышляти просвѣщеніа, ѡт негѡ же сіаніе бываетъ Божіе, и раздирается вретнице, по пророкоу Давидови, глаголющи и т. д. (Рус. дост., I, 65, 66, 67).

Итакъ, мы имѣемъ передъ собою три душевныя силы и опять, какъ то было и въ Діалектикѣ Дамаскина, находимъ отождествленіе силы разумной съ словесною. Но въ Посланіи Никифора анализъ душевныхъ силъ болѣе глубока — душа дѣлится на части, какъ мы то видѣли и въ Діоптрѣ.

Какимъ образомъ дошелъ Никифоръ до раздѣленія души на три части, остается вопросомъ открытымъ. На основаніи этого раздѣленія нельзя притти къ тому выводу, какъ это дѣлаетъ Гавриилъ, что Никифоръ былъ новоплатоникомъ. Одинаково невозможно назвать его и платоникомъ, потому что въ его раздѣленіи души на три части не заключается специфическихъ чертъ ни платонизма, ни плотинизма.

Для того, чтобы уяснить себѣ генезисъ міровоззрѣнія Никифора, а также отношеніе нашей философіи къ греческой и византійской, къ которой по своему происхожденію принадлежитъ Никифоръ, было бы очень важно знать, произведенія какихъ философовъ онъ читалъ.

Для характеристики психологіи Никифора можетъ быть интересно его сравненіе князя съ душою, слугъ съ виѣшними чувствами. Важно тутъ то, что свѣтомъ души служитъ умъ, такъ какъ сила ума распространена по всему тѣлу.

Въ какомъ же отношеніи находятся пять слугъ души или пять виѣшнихъ чувствъ къ свѣточу ея или къ уму?

«Оувѣдалъ еси, Княже, человеколюбивыи и кроткыи сима словомъ тричастное душа. Оувѣжъ же слоугы ея и ся воеводы и споминателя; ими же служима бываетъ, бесплотва соущи, и при-

имаеть въ споминаніа. Та оубо душа сѣдитъ въ главѣ, оумъ имоущи якоже свѣтлое око въ себѣ, и исполняющи все тѣло силою своею. Якоже бо ты, княже, сѣди здѣ въ сеи своей земли, воеводами и слугами своими дѣйствоуещи по всей землі, и самъ ты еси господиныхъ и князь; тако и душа по всемоу тѣлоу дѣйствуетъ пятью слоугъ своихъ, рекше пятью чувствіи: очима, слухомъ, обонаніемъ, еже есть поздрима, вкушеніемъ и осязаніемъ еже еста роуцѣ. И видѣніе оубо есть чувственное вѣрно и его же видятъ, аще не без оума, то вѣрно видимъ; слоухъ же въ другоа мѣста истинна, а въ другоа мѣста лжа. И почто рѣсть, княже мой, якоже и видѣніе, такоже и слоухъ? недоумѣю оубо о семъ азъ; но пакы тлькоуютъ, яко видѣніе предняа оубо видитъ, зади же тѣла не видитъ; слоухъ же и преди глаголющому слышитъ...

О осязаніи же, еже есть роукама, иже касается имѣнію, вѣдѣ яко отнелѣже родися и оутвердися въ тебѣ оумъ и т. д. (Рус. дост. I, 67—70).

И, слѣдовательно, различно отношеніе ума къ пяти виѣшнимъ чувствамъ. Если умъ и распространень по всемоу тѣлу, то для обонанія и вкуса онъ не нуженъ—процессы эти совершаются и безъ посредства ума. Умъ необходимъ для того, чтобы видѣть вѣрно, несмотря на умъ мы слышимъ невѣрно, хотя видимъ только спереди, а слышимъ и сзади и спереди, съ недоумѣніемъ высказываетъ авторъ, подчиняясь здѣсь своему безсознательному credo-именно материализму.

Какъ ни важна та роль, которую играетъ умъ при процесѣ зрѣнія, всего интереснѣе для характеристики того иного міровоззрѣнія, которое безсознательно исповѣдуется авторомъ, то, что умъ происходитъ изъ осязанія.

Авторъ не отдаеть себѣ отчета въ томъ, что такое его утвержденіе не вяжется съ тѣмъ, что умъ свѣтлое око души, такъ какъ осязаніе вѣдъ только слуга и не можетъ не быть слугою съ точки зрѣнія дуализма, на которой авторъ стоитъ оффициально. Разъ, что таково происхожденіе свѣтлаго ока души, во что

же обращается сама душа? Авторъ далеко при томъ отъ мысли, къ чему можетъ привести такое его утверждене.

Итакъ авторъ нашъ исповѣдуетъ дуализмъ. Онъ говоритъ:

«Благодарствимъ оубо и поклонимся поставшагося Владыкоу, и поста намъ въ законившаго и быліе душевнаго здравія даровавшаго! Имже бо соугоубо есть житіе наше: словесно и безсловесно и бесплотно и тѣлесно. Да словесное и бесплотно оубо божественно нѣкое есть и чудно и бесплотногo естества касается, а безсловесное страстнаго сего и сластолюбиваго, и того ради рата въ насъ есть многа и противится плоть духови и духа плоти. Потрѣбно оубо есть поистинѣ быліе истинное: тѣ бо кротитъ тѣлесныя страсти, тѣ оубоуздоваетъ противная стремленія и духови дасть тѣлесное покореніе; ти тако покаряется вящшее горшему рекше души тѣло».

Но почему? Отчего надо ослабить тѣло—безъ этого же ослабленія продолжается борьба между двумя факторами и тѣло беретъ верхъ надъ душею? Почему-же такое сильное начало, какъ душа не можетъ сама побѣдить тѣло? Зачѣмъ нужно для этого его ослабить?

Авторъ, конечно, далеко отъ того, чтобы задать себѣ эти вопросы.

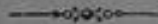
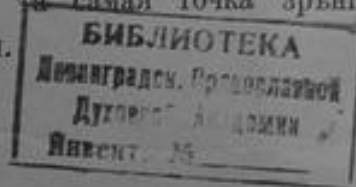
Если Никифоръ и считаетъ, что «веселіе же тѣмъ ражается отъ зла и страданія Бога ради; отъ веселія же того ростеть сѣмя животное, ѿ того чудотворенія, ѿ того прорицанія бждоущимъ, ѿ того человекъ Богу по силѣ приблизется, и по образу и по подобію бываетъ и на земли сынъ по образу создавшаго и Бога (стр. 67), то, по его мнѣнію, «неразлучена бо сѣть злаа ѿ благыхъ, но смѣшаны сѣть злобы съ добродѣтелями, якоже и плѣвель въ пшеници» (стр. 64).

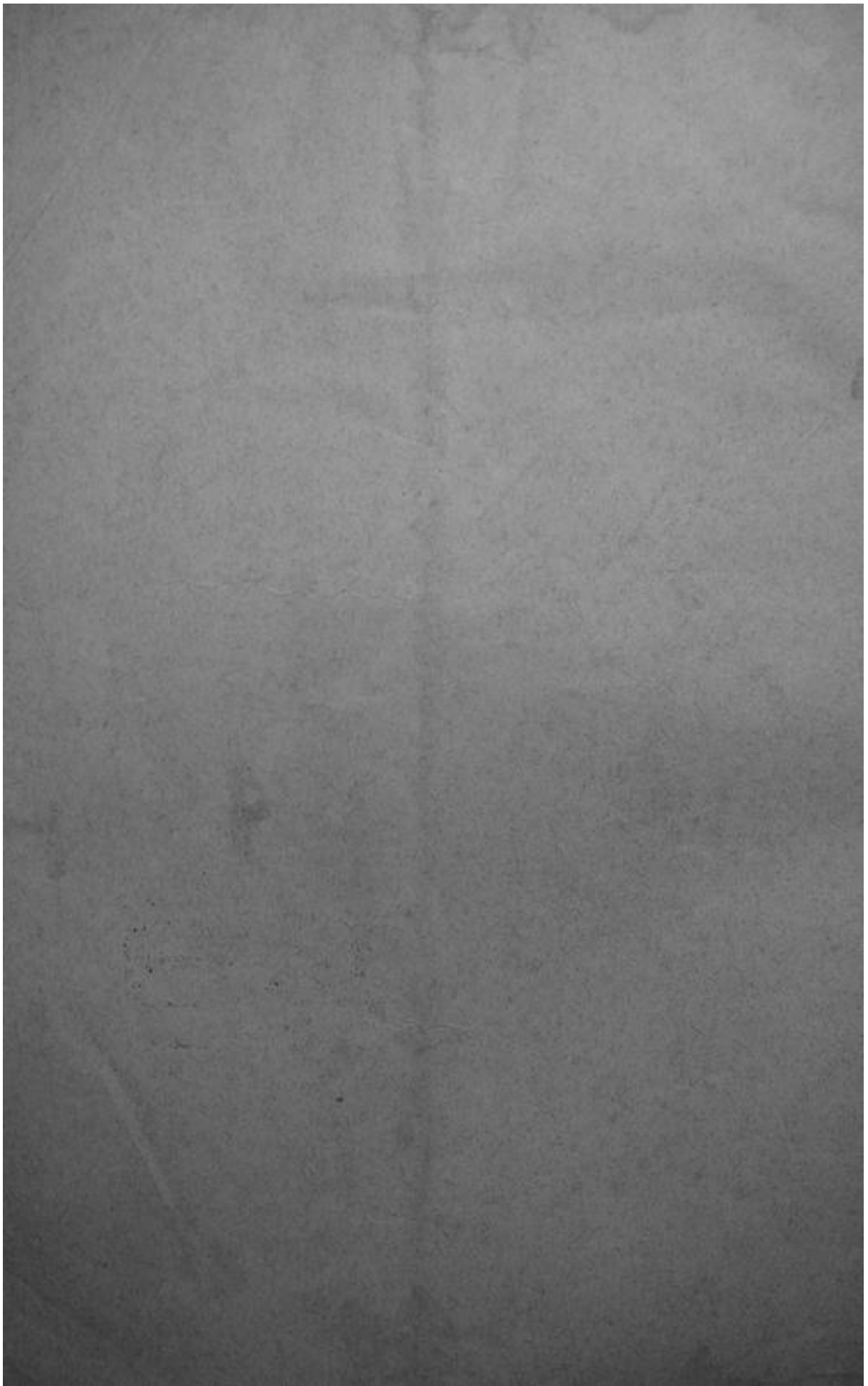
Но имѣемъ-ли мы передъ собою дѣйствительно дуалиста?

Не есть-ли признаніе необходимости обуздать тѣло и не дать ему дѣйствовать на духъ въ борьбѣ, существующей между этими двумя факторами — ослабленіе тѣла, съ цѣлью не по-

зволить ему взять верхъ надъ духомъ, не что иное, какъ признаніе силы этого второго фактора, т. е. силы вещества или матеріи и одинаково признаніе невозможности для духа осялнить тѣло, когда оно не ослаблено. Чистый-ли дуализмъ такое міровоззрѣніе? Не является-ли слабостью міровоззрѣнія Никифора то, что дуализмъ его не проведенъ съ полной послѣдовательностью, не признается ничтожность второго фактора сравнительно съ первымъ—духомъ? Міровоззрѣніе это потому дуализмъ только de jure, а de facto съ нимъ рядомъ мирно уживается матеріализмъ.

Это та самая точка зрѣнія, на которой стоялъ авторъ Діонтры.

Электронное издание:

**Безобразов М.В. Изречения Св. Кирилла и
послание митрополита Никифора. Санкт-
Петербург, 1898. – С. 14**

ПОДГОТОВЛЕНО

Отделом религиозного образования и
катехизации Ижевской и Удмуртской епархии

www.izhoroik.ortox.ru

